ПОКА ТЫ НЕ ОТВЕТИШЬ

АЛЕКСАНДР КОЛБЕК

2026

18+

Александр Колбек

Пока ты не ответишь

«Автор»

2026

Колбек А. Н.

Пока ты не ответишь / А. Н. Колбек — «Автор», 2026

Роман увозит пятнадцатилетнего сына в горы Абхазии, надеясь вернуть утраченную близость. Пять дней вдвоём, вдали от привычной жизни.
Он уверен, что знает, как всё исправить.После вечерней ссоры Максим исчезает.На мокрой земле остаются следы. Из леса доносится знакомое «па-ап». Роман идёт на голос — и возвращается к собственным меткам.
В старом кордоне его встречает человек, который слишком хорошо знает, почему нельзя отвечать на зов из темноты.Здесь голоса помнят то, о чём люди предпочли забыть. За закрытой дверью может оказаться комната из детства. А тот, кого ты отчаянно ищешь, способен стоять совсем рядом — и звать тебя в другую сторону.Пока под землёй поднимается вода, отец и сын пытаются найти друг друга.Но как отличить настоящий зов о помощи, если ты годами не слышал человека, которого любишь?

© Колбек А. Н., 2026
© Автор, 2026

Александр Колбек
Пока ты не ответишь

Александр Колбек
Пока ты

не ответишь
Мистический роман
2026

От автора

Эта книга началась с фильма, который прислала мне мать.

«Выпусти меня», 2024 год. Я посмотрел — и написал ей, что много лет назад уже видел нечто похожее в казахстанском «Заблудившемся». Завязка показалась знакомой, а дальше появились вопросы к поступкам героев, отношениям отца и сына и особенно к финалу. У меня осталось ощущение, что персонажей заставляют вести себя определённым образом ради красивой, загадочной развязки.

Мать со мной не согласилась. Прислала подробное объяснение: конфликт поколений, неумение слышать близких, лес как отражение человеческих страхов и обид. Всё это звучало убедительно. Только объяснение замысла не снимало моих вопросов к его воплощению.

«Просто нужно постараться понять замысел, а не искать изъяны», — написала она.

А я считал, что понимаю замысел. Именно поэтому меня и раздражало, как он показан. Мне хотелось поверить этим людям, понять их решения и почувствовать, что финал вырастает из прожитого ими.

Переписка становилась резче. В какой-то момент я написал:

«Ок, ок, я напишу рассказ по вот этой же методичке».

С этой фразы всё и началось.

Я взял ту же отправную ситуацию: отец, сын, испорченные отношения, поход и исчезновение. Мне хотелось рассказать историю, в которой за каждым поступком стоит понятная человеческая причина, а мистика усиливает происходящее и имеет свои последствия.

Рассказ вырос в книгу «Пока ты не ответишь».

По моему собственному мнению, она получилась интереснее, понятнее и завершённее той истории, с которой начался наш спор. Согласится ли со мной читатель — узнаю уже после.

Есть в её появлении и некоторая ирония: мы с матерью обсуждали историю о неумении слышать близких — и сами довольно быстро перестали слышать друг друга.

Посвящение

Посвящается тем, кто знает, как бывает одиноко в доме, где слышны чужие шаги, закипает чайник и кто-то спит на соседней подушке. Тем, кто подолгу подбирал слова для самого важного разговора, а потом спрашивал только: «Ты будешь ужинать?»

Тем, кто привык справляться сам. Кто научился прятать усталость за привычными делами, отвечать «всё нормально» и откладывать собственную боль до ночи. Кто хотя бы однажды смотрел на светящийся экран, надеясь, что сейчас найдётся собеседник, которому можно рассказать всё.

Эта книга посвящается и тем, кто оставался рядом, но терялся перед чужим горем. Кто приносил лекарства, готовил еду, искал выход, потому что любил именно так, как умел. Кто слишком поздно узнавал, что близкому человеку всё это время хотелось попросить: «Посиди со мной. Мне страшно».

В этих страницах есть место вашей усталости, вашим ошибкам, обидам и словам, которые вы до сих пор помните. Есть место растерянности человека, который хочет помочь, и страху того, кто уже почти перестал просить о помощи.

Я посвящаю эту историю каждому, кто ещё бережёт надежду однажды заговорить и быть услышанным. Каждому, кто учится слушать любимого человека, даже когда услышанное причиняет боль. Каждому, кому трудно поверить, что его присутствие может быть настолько нужно.

Пусть у вас хватит доверия произнести: «Мне плохо».

И пусть рядом окажется тот, кто ответит: «Я здесь».

Содержание

От автора 2
Посвящение 3
I. Закрытая дверь **6**
1. Дверь 6
2. Нижний дом 8
3. Запись 10
II. Чужая тропа **12**
4. Красная развилка 12
5. Тот, кто отвечает за тебя 13
6. Ночёвка 15
III. Когда лес отвечает **17**
7. Пустой спальник 17
8. Овраг 18
9. Кордон 20
IV. Голоса по ту сторону **22**
10. Девочка у воды 22
11. Гребень 24
12. Комната за печью 25
13. Не впускай 27
V. Ниже воды **29**
14. Нижняя вода 29
15. Чужая поисковая карта 31
16. То, что осталось 32
VI. То, что не было услышано **35**
17. Елена 35
18. Узлы 36
19. Радиус 38
20. Руки в карманах 39
21. Письмо, которого не было 41
VII. Ответ без слов **43**
22. Принятые меры 43
23. Кухня 45
24. История без слов 46
VIII. За закрытой дверью **48**
25. На другой стороне стены 48
26. Правильный мальчик 49
27. Незапертая кладовка 51
28. Четыре удара 52
IX. Отпустить **55**

29. Створка 55
30. Дочь 56
X. Выйти вместе **58**
31. По одному 58
32. Поляна 59
33. Обратный голос 61
XI. Жизнь после леса **63**
34. Спуск 63
35. Нижний свет 64
36. Без обмена 66
37. Суббота 67
38. Море 69
XII. Право на ответ **71**
39. Возвращение в комнату 71
40. То, чего нет на записи 72
41. Пока ты не ответишь 73

Глава I

Закрытая дверь

Audi prius quam respondeas.

Выслушай, прежде чем ответить.

1

Дверь

— Выпусти меня!

Роман убрал ладонь с кнопки стеклоподъёмника. Дождь собирался на боковом стекле в круглые капли; за ними Максим казался нарисованным — тёмные волосы, белая полоска зубов, чужое лицо в знакомой оправе.

— Перестань орать. Я только заберу вещи.

— Тогда открой.

В этом приказе было что-то до того знакомое, что Роман невольно посмотрел на подъезд. Будто его собственный отец мог стоять под козырьком, курить и следить, как не справляется сын.

Он нажал кнопку. Максим сразу толкнул дверцу, едва не ударив ею о припаркованную рядом машину. Вылез, встал под дождём. Пятнадцать лет, рост почти отцовский, а кроссовки всё ещё завязывает двойным узлом — так научила мать, когда ему было пять.

— Я никуда с тобой не поеду.

На третьем этаже открылась форточка. Роман опустил голос:

— Мы договаривались.

— Ты договаривался. С мамой.

Это было несправедливо. Роман спрашивал и его. Написал за две недели: «В августе на пять дней в горы. Настоящий лес, без толпы. Будет круто». Максим ответил: «Посмотрим». В свои сорок два Роман ещё считал, что это почти согласие.

Елена появилась в дверях подъезда с серым рюкзаком. На мокрые ступени она вышла в домашних тапочках. Роман хотел сказать, что простудится, но вовремя удержался. После развода даже забота в его исполнении звучала как замечание.

— Ром, можно минуту?

— Самолёт через четыре часа.

— Я умею считать.

Максим забрал у неё рюкзак, отошёл к клумбе и надел наушники. Одно ухо оставил свободным. Роман этого не заметил.

— Никакого перевала, — сказала Елена. — Ты обещал: две ночёвки внизу, проводник, нормальная тропа. У него не твоя подготовка.

— Мы не на Эверест.

— И не забирай телефон. Он должен иметь возможность позвонить мне.

Роман усмехнулся:

— То есть пять дней ты будешь стоять между нами на громкой связи?

Елена посмотрела на него так, как смотрела в последние месяцы брака: не сердито — с усталой попыткой что-то расслышать за его словами.

— Между вами стою не я.

Она достала из бокового кармана рюкзака небольшую аптечку и показала, где пластырь и эластичный бинт. Он слушал, глядя на её пальцы. Обручального кольца не было уже одиннадцать месяцев, но кожа под ним оставалась чуть светлее.

— Если ему станет тяжело, вернитесь, — сказала она.

— Конечно.

Он произнёс это легко. Как обещание купить хлеб.

Максим сел назад, хотя переднее кресло было пустым. Елена наклонилась к нему, что-то сказала. Роман видел в зеркале, как сын кивнул — коротко, всерьёз. Ему так не кивали.

Они выехали со двора. На первом светофоре Роман предложил музыку.

— Всё равно, — ответил Максим.

— Можешь свою включить.

— Не надо.

Роман включил радио. Там мужчина бодрым голосом объяснял, как легко начать жизнь заново. Роман переключил станцию.

В аэропорту Максим впервые сам обратился к нему:

— Ты дверь специально заблокировал?

— Автоматика. Когда двигатель работает.

Сын посмотрел на его руку, лежавшую на рычаге коробки передач, и ничего не сказал.

Роман знал, что солгал. Кнопку он нажал сам, когда Максим потянулся к ручке: боялся, что убежит в подъезд. На секунду, всего на секунду, чтобы объяснить. Потом говорить об этом стало незачем.

В кармане куртки лежал складной нож, который он собирался подарить сыну в походе. Хороший, дорогой, с деревянными накладками. Заказывать гравировку он передумал в последнюю минуту: слова «Будь мужчиной» показались слишком торжественными.

Теперь он пожалел об этом. Иногда вещь могла сказать то, что человеку никак не удавалось.

2

Нижний дом

На третий день путешествия они приехали в дом Тамары, где заканчивался асфальт. До этого были самолёт, граница, море за окнами машины и гостиница, в которой Максим спал лицом к стене. Абхазию Роман помнил по поездке десятилетней давности, но теперь даже знакомые повороты не узнавались: тогда он ехал с друзьями и почти не смотрел на дорогу. Он успел дважды спросить сына, нравится ли ему, и оба раза получил: «Нормально».

Во дворе Тамары пахло мокрой древесиной и разрезанным инжиром. На верёвке висели простыни. За домом горы собирались в плотную синеву, словно кто-то поставил одну за другой несколько стен.

Тамара поселила их на втором этаже. Она была невысокой женщиной лет шестидесяти, в очках на цепочке. Роман ожидал радушной хозяйки, которая станет угощать вином и говорить тосты; Тамара выдала чистые полотенца и предупредила, что водонагреватель включают за двадцать минут.

— С проводником вы разговаривали?

— Договорился с Дауром.

— Тогда он вам всё скажет.

Даур приехал вечером на белом пикапе с мятым крылом. Вынул карту из прозрачного пакета, разложил её на столе. Вёл себя он без той неспешной важности, которую Роман привык считать признаком местного знания: говорил быстро, отвечал точно, смотрел прогноз на телефоне.

— Здесь дойдём до первой стоянки. Завтра к озеру не идём. Ночью дождь, верхний ручей поднимется. Я покажу нижнюю петлю, там тоже хорошо.

Роман провёл пальцем по пунктиру.

— А лесная дорога?

— Старая. Мост разобран.

— В отзывах пишут, что проходимая.

— Когда пишут?

Отзыв был четырёхлетней давности. Роман пожал плечами.

Максим стоял у перил. Телефон он держал горизонтально, направив микрофон в сад.

— Там птица, — сказал он, заметив взгляд Даура. — Свистит, а потом как будто железом стучит.

Даур прислушался.

— Не знаю, какая. Здесь утром больше слышно.

Роману понравилось бы, если бы проводник знал название птицы. Неуверенность в простом вопросе почему-то ослабила доверие к его рассуждениям о маршруте.

Позже Дауру позвонили. Он отошёл к воротам, долго слушал, потом вернулся с изменившимся лицом.

— Мать в больнице. Завтра я не смогу. Деньги верну. Мой двоюродный брат может в четверг.

— У нас в пятницу вылет, — сказал Роман.

— Тогда погуляйте внизу. До первой стоянки можете дойти сами, если раньше ходили. Дальше без человека, который знает тропу, я не советую.

Он оставил копию карты, отметил развилку красным карандашом и записал номер телефона Тамары на полях: на случай, если у Романа сядет аппарат.

— В среду к шести вернётесь. Если задерживаетесь, позвоните с гребня. Ниже связи нет. Я узнаю у Тамары.

Роман кивнул. Деньги за проводника вернулись на карту, и это странным образом сделало всё случившееся похожим на удачное изменение планов.

За ужином Максим спросил:

— Значит, не идём?

— Почему? До стоянки сами дойдём.

— Мама сказала — с проводником.

— Мама не ходила со мной в горы.

Это тоже было неправдой. Ходила. Когда-то она могла часами шагать с ним под дождём и смеяться, если промокали спички. Только потом появилась другая мера расстояний — детская коляска, поликлиника, школа. Роман продолжал измерять её прежними километрами.

Ночью ему не спалось. Он вышел на веранду. Внизу Тамара снимала бельё перед дождём.

— Там наверху кто-нибудь живёт? — спросил он.

— Аркадий. На старом кордоне. Но вы туда не попадёте, если правильно пойдёте.

— Лесник?

— Раньше был.

Она положила сложенную простыню в таз.

— Если встретите, передайте: я больше письма хранить не буду. Пусть спускается сам.

Роман хотел расспросить, но Тамара уже ушла в дом.

Из открытого окна наверху донёсся его собственный голос:

«Мама не ходила со мной в горы».

Потом голос Максима, тихий:

— Проверка.

Роман постоял под окном. Значит, сын записывал их разговор. Эта мысль показалась ему куда неприятнее, чем то, что он только что услышал себя со стороны.

3

Запись

Максим удалил фразу отца. Оставил восемь секунд перед ней: ложка о край стакана, дождь на виноградных листьях, шорох одежды. Из таких звуков можно было собрать комнату, даже если самой комнаты уже не было.

На экране дорожка выглядела почти ровной. Он увеличил масштаб. Появились зубцы.

Дома отец называл это «сидеть в телефоне». Максим пытался объяснить дважды. В первый раз Роман предложил заняться настоящей музыкой — гитарой. Во второй спросил, сколько на этом зарабатывают. Третьего разговора не случилось.

В папке «Сентябрь» лежали записи для вступительного задания в городскую медиастудию: нужно было рассказать историю без слов. Максим придумал историю человека, который приходит домой, а его не замечают. Он записывал ключ в замке, холодильник, шаги из комнаты в комнату. Конец пока не получался. Все варианты звучали как поломка проводки.

Своей подруге Асе он написал: «Тут классный звук. Всё остальное не очень».

Она ответила картинкой с мокрой кошкой. Потом: «Сделай лес, в котором потерялся лифт».

Максим улыбнулся.

Отец вошёл без стука.

— Завтра подъём в семь.

— Хорошо.

— Только не до утра это всё.

— Хорошо.

Роман задержался в дверях. В такие секунды Максим обычно начинал перебирать варианты правильного ответа, хотя вопрос ещё не прозвучал.

— Ты меня записываешь?

— Я двор записывал.

— Я слышал.

Максим показал экран. Отец не подошёл.

— Просто спрашиваю.

После его ухода Максим долго держал телефон экраном вверх. Ему хотелось написать матери: «Можно домой?» Но тогда она позвонила бы Роману, и тот сказал бы, что его выставляют чудовищем. Потом они спорили бы из-за него, хотя давно уже жили отдельно именно затем, чтобы не спорить.

Он написал: «Завтра до первой стоянки. Всё нормально».

Елена ответила: «Если захочешь вернуться — скажи. Ты имеешь право передумать».

Максим перечитал это несколько раз. Он не был уверен, что право существует там, где другой человек о нём не знает.

Утром они вышли в восемь: Роман долго искал крепление для экшн-камеры. Тамара завернула им хлеб, сыр и два варёных яйца. Максиму дала дополнительно яблоко.

— На дороге не ешь. Сядь где-нибудь.

Она сказала это так буднично, что он впервые за три дня почувствовал себя не участником воспитательного мероприятия, а человеком, который просто идёт погулять.

За последним огородом начинался лес. Земля там была влажной даже под густыми кронами. Крупные листья блестели, на камнях рос мох. Максим ожидал, что в настоящем глухом лесу будет тихо, но здесь что-то постоянно падало, текло, терлось, отзывалось.

Он включил запись.

Отец шёл впереди. На его рюкзаке покачивалась новая кружка. Каждые двадцать шагов она ударялась о карабин: дзинь. Максим поймал ритм и начал наступать между ударами. Получалось что-то вроде музыки для человека, который никак не может догнать другого.

Через час отец обернулся:

— Ну как?

Максим вытащил наушник.

— Что?

— Ладно.

— Я не расслышал.

— Ничего.

Роман пошёл дальше, заметно быстрее. Максим убрал телефон. Следующие двадцать минут он слушал одну только кружку и пытался понять, в какой момент снова сделал что-то не так.

Глава II

Чужая тропа

Non omnis via domum ducit.

Не всякая дорога ведёт домой.

4

Красная развилка

К полудню у Максима натёрло пятку. Он почувствовал это ещё на первом подъёме, но сказать решил только у ручья. Отец остановился, снял очки и посмотрел на его ботинки.

— Я же говорил: разносить заранее.

Максим промолчал. Ботинки купили позавчера, в магазине возле гостиницы. Старые Роман назвал неподходящими.

Они сели на поваленный ствол. Кровь на носке была крошечной, почти смешной; Максим испугался, что отец заметит несоразмерность между этой точкой и его желанием никуда больше не идти.

Роман достал пластырь, аккуратно заклеил пятку. Руки у него были тёплые, уверенные. В детстве Максим любил смотреть, как эти руки чинят всё подряд. Было время, когда он считал: если сломается сама квартира, папа найдёт нужную отвёртку.

— Лучше?

— Да.

— Вот и отлично.

Они съели яйца. Скорлупу Роман собрал в пакет; Максим отметил это с неожиданной нежностью. Отец мог быть хорошим человеком в вещах, не касавшихся других людей.

Развилка появилась через полчаса. Слева бело-красная отметка на буке вела вниз, к воде. Справа широкая старая колея уходила почти ровно. Поперёк неё лежали две тонкие жерди, связанные выцветшим шнуром.

Роман развернул карту.

— Здесь срежем.

— Он же сказал налево.

— Там крюк. Тебе самому тяжело.

Максим посмотрел на жерди.

— Может, потому и положили?

— Чтобы машины не ездили.

В колее росла трава по колено. Даже Максим видел, что машины здесь не ездили много лет.

Отец переступил заграждение. Сын пошёл следом.

Первые сорок минут дорога действительно казалась удобнее. Роман повеселел, рассказал, как однажды в Карелии они с друзьями перепутали озёра и вышли к чужому лагерю. Он смеялся, вспоминая чужие лица. Максим улыбнулся. На мгновение ему стало интересно: кем был отец, когда никто ещё не называл его папой?

Потом дорога исчезла под оползнем.

Свежая земля обрывалась между корнями. По склону текла мутная вода. За размывом колея продолжалась, но до неё надо было пройти выше, по крутому лесистому скату.

— Вернёмся? — спросил Максим.

Роман посмотрел на часы.

— Сейчас обойдём.

Обход занял почти два часа. Рюкзак цеплялся за ветки. Максим поскользнулся, ударился коленом, выругался. Отец сказал: «Следи, куда ставишь ноги». Словно падение было результатом его невнимания к очевидной инструкции.

Когда они снова вышли на что-то похожее на тропу, над кронами уже темнело.

Роман сверил компас с картой. Вода должна была остаться слева, но шумела справа. Он спрятал карту прежде, чем Максим успел подойти.

— Здесь поставимся.

— Это первая стоянка?

— Какая разница? Место хорошее.

Место было ровным, с небольшим каменным уступом. В стороне стоял сухой бук с раздвоенным стволом. Между его ветвями застряла доска, старая настолько, что древесина уже срослась с корой. Издали казалось, что в дерево вставлена дверь.

Максим направил туда телефон.

— Помог бы лучше, — сказал Роман.

Сын убрал аппарат. Палатку они поставили молча.

Когда отец разжигал горелку, Максим достал яблоко Тамары и сел на камень. Есть не хотелось. Он держал его в ладони, как маленькую вещь из мира, где дорога ещё знала, куда ведёт.

5

Тот, кто отвечает за тебя

Пока вода закипала, Роман заметил под корой сухого бука маленький железный крючок. Доска в развилке оказалась не дверью, а остатком старого щита. На ней ещё держались две буквы, почти съеденные древесиной.

— Тут раньше что-то было, — сказал он.

Максим подошёл. На крючке висела узкая полоска ткани, серая от дождей. Сын протянул руку, но Роман предупредил:

— Мало ли какая грязь.

Максим убрал руку. Они стояли рядом и смотрели на одну вещь, впервые за день не споря о её назначении.

— Тамара рассказывала историю, — сказал Максим.

Роман удивился.

— Когда?

— Утром. Пока ты крепление искал.

Отец хотел поправить: он не искал, а проверял. Вместо этого спросил, какую историю.

— Про человека, который отвечал за всех. За детей, за жену, за соседей. Его спрашивают, голодна ли дочь, а он: «Нет, поела». Спрашивают жену, хочет ли она на праздник, а он: «Хочет». Постепенно все перестали говорить. Он решил, наконец порядок.

Роман сел на камень.

— Сказка, что ли?

— Она сказала, сама придумала. Для внука. Только он маленький, и она ему конец другой рассказывает.

Максим прислонился к дереву здоровой пяткой.

— Потом человек однажды вернулся домой, а там его семья. Все сидят, улыбаются. Он спрашивает что-нибудь, и все отвечают правильно. Вообще всё время правильно. Сначала он обрадовался. Потом ночью услышал голоса во дворе. Вышел — а на дереве висят все слова, которые он не дал сказать. И каждый день их больше. Они уже до земли достают.

Роман посмотрел на серую тряпку.

— И что?

— Не знаю. Она не закончила. Ты позвал.

— Удобно. Можно придумать что угодно.

Максим пожал плечами.

— Наверное.

Отец пошевелил ложкой крупу в котелке.

— Раньше людям многое казалось страшным, потому что не могли объяснить. Деревья скрипят, эхо гуляет. Вот и придумывали.

— Она же сейчас придумала.

— Я в общем.

Максим кивнул и отошёл. Роман почувствовал раздражение: даже на простой рассказ сын умудрялся ответить так, будто поймал его на ошибке.

У бука снова что-то щёлкнуло. Крючок качнулся без ткани, ткань шевельнулась без крючка. Роман объяснил это ветром и занялся ужином.

Позже он не раз пытался вспомнить, сказал ли Максим последнее слово вслух или оно прозвучало уже из леса. В тот вечер разницы не было. Отец одинаково не слушал ни то ни другое.

6

Ночёвка

Каша пригорела. Роман перемешал её, соскребая ложкой корку со дна, и слишком весело сказал, что на свежем воздухе всё вкуснее.

Максим попробовал и поставил миску.

— Не нравится — не ешь.

— Я ничего не сказал.

— У тебя лицо говорит.

Лес за пределами света становился плотнее. Дождь ещё не начался, но воздух наполнился запахом мокрой земли, как будто он уже прошёл где-то совсем рядом и теперь приближались его последствия.

Максим спросил, можно ли позвонить матери.

— Нет связи.

— Я проверю.

— Я уже проверил.

Он всё равно достал телефон. Роман протянул руку.

— Дай.

— Зачем?

— Потому что разговариваю с тобой.

Максим держал аппарат обеими руками.

— Мы не разговариваем. Ты говоришь, что мне делать.

Роман почувствовал, как внутри что-то сдвинулось, освобождая место знакомому горячему спокойствию. Самые обидные вещи он произносил именно так — ровно, даже тихо.

— Понятно. Это мама объяснила?

— Не трогай маму.

— Я свою семью пятнадцать лет содержал. И теперь мне нельзя даже сказать сыну, чтобы он отложил игрушку?

— Это не игрушка.

— А что? Работа?

Максим вдруг встал.

— Да. Представь себе. Я делаю звук. Я тебе показывал.

— Монтировать чужие смешные ролики — это не работа.

— Ты даже не посмотрел!

Крик ударился о стволы и пропал. Роман слышал, как шипит огонь под котелком. Он мог сейчас спросить, что именно не посмотрел. Мог вспомнить ссылку, присланную в мае: «Пап, это моё». В тот день шла приёмка объекта, и он ответил большим пальцем, не открывая.

Вместо этого сказал:

— Голос на меня не повышай.

Максим сделал шаг к темноте.

Роман схватил его за запястье.

— Куда?

— Отпусти.

— Сядь.

— Больно.

Он отпустил не сразу. Потом эта секунда станет длиннее всего похода.

Телефон упал экраном на камень. Максим присел за ним. На стекле появилась диагональная трещина, похожая на тонкую белую ветку.

— Сам виноват, — сказал Роман.

Сын поднял голову. В его взгляде не было ни злости, ни слёз — только какое-то быстрое внутреннее движение, как если бы он закрыл дверь прежде, чем отец успел подойти.

— Конечно.

Роман забрал телефон. Максим не сопротивлялся.

— Утром получишь.

Они легли рано. В палатке пахло новым пластиком и влажными носками. Между спальниками оставалась полоска пола шириной с ладонь. Роман слушал дыхание сына и подбирал слова, которые не были бы извинением, но позволили бы вернуться к моменту до ссоры.

— Знаешь, мой отец со мной вообще никуда не ходил, — произнёс он наконец.

Максим молчал.

— Тебе кажется, я придираюсь. Просто жизнь не будет всё время мягкой.

Снаружи упала ветка.

— Я хочу, чтобы ты был готов.

Он ждал ответа. Потом повернулся на бок.

Дождь начался около полуночи. Сквозь сон Роман услышал голос:

— Пап.

— Спи.

— Пап, послушай.

— Утром.

Больше сын не звал.

Глава III

Когда лес отвечает

Silentium vocem habet.

У тишины есть голос.

7

Пустой спальник

Когда Роман проснулся, дождь кончился. Свет был зелёным и слабым. Часы показывали пять сорок семь.

Спальник Максима лежал раскрытый, скомканный у ног. Ботинок не было. Вход в палатку оставался застёгнут изнутри — по крайней мере, так показалось Роману в первую секунду. Потом он увидел: собачка молнии была у самого верха, куда её можно подтянуть и снаружи.

— Макс?

Он высунул голову. Горелка стояла на месте, кастрюля блестела дождевой водой. На камне лежало яблоко, нетронутое, с маленькой вмятиной от пальца.

Роман надел ботинки без носков.

— Максим!

За сухим буком кто-то пошевелился. Роман шагнул туда, раздвинул кусты. Птица с резким треском взлетела почти из-под ног.

Он вернулся к палатке. Проверил рюкзак сына, хотя тот не мог туда спрятаться. Куртки не было. Бутылка воды исчезла, но дождевик лежал на дне. Значит, далеко идти не собирался.

Эта мысль сначала успокоила его, а через минуту стала хуже всего остального.

Роман достал телефон Максима из внутреннего кармана. Двадцать три процента. На заставке был рисунок: человек с маленькой дверью вместо лица. Он не знал, что у сына такая заставка.

Пароль Роман помнил старый — день рождения. Аппарат его не принял.

Он взял собственный телефон. Сети не было. Попробовал экстренный вызов. Не прошёл. Поднялся на каменный выступ, прошёл ещё метров тридцать вверх, повторил. Экран оставался немым.

Возле палатки он оставил записку на обратной стороне распечатки брони: «Макс, стой здесь. Я рядом. Вернусь». Придавил её кружкой. Собрал аптечку, воду, фонарь и свисток. Палатку оставил как ориентир.

Следы нашлись ниже по склону: один отчётливый отпечаток подошвы на глине. Такие же ботинки Роман выбрал сыну в магазине. Возле следа лежал сорванный лист с красноватой жилкой.

Он пошёл вниз и почти сразу увидел второй отпечаток. Потом третий. На четвёртом левая нога явно скользнула. Роман представил, как Максим идёт ночью без дождевика, сердитый, дрожащий, и впервые ощутил не обиду, а физическую пустоту под рёбрами.

— Я не ругаюсь! — крикнул он. — Макс, выходи!

Лес ответил не эхом. Где-то дальше раздался такой же голос, только тише:

— Выходи.

Роман остановился.

— Максим?

Справа хрустнула ветка. Он побежал, поскользнулся, упал на колено. Поднялся и увидел между стволами тёмную фигуру.

— Стой!

Фигура исчезла за буком. Роман обогнул его — впереди был склон, заросший папоротником, без тропы и без человека.

Он вернулся к своим следам. Хотел отметить дерево ножом и нащупал в кармане подарок. Лезвие раскрылось с приятным дорогим щелчком.

На коре уже был свежий срез.

Три косые полосы, которые он обычно оставлял как метку.

Роман коснулся пальцем светлой древесины. Она была влажной. Он ещё не успел здесь пройти.

Где-то за его спиной голос Максима спросил:

— Ты дверь специально заблокировал?

Роман резко обернулся. Никого.

И только теперь начал бояться по-настоящему.

8

Овраг

От первого настоящего крика у Романа заболело горло. Он никогда не думал, что имя ребёнка можно произносить как физическую работу, выталкивая его из живота.

Он дошёл до оврага и остановился. На дне лежал мокрый ствол, похожий на тело в тёмной одежде. Роман смотрел на него долго, прежде чем решился спуститься. С каждым шагом сходство уменьшалось, но от этого не становилось легче: где-то могло лежать другое тело, которое издали будет казаться стволом.

Внизу он нашёл фантик от конфеты. Старый, выцветший. Максим таких не ел. Роман поднял его, сунул в карман и сразу разозлился на себя: даже сейчас соблюдает привычное правило убирать мусор, потому что с ним всё понятно.

Он позвал снова. Из-под корней откликнулось:

— Сейчас.

Максим говорил так дома. Сейчас выйду. Сейчас сделаю. Сейчас уберу. Роман всегда считал это способом не делать ничего.

— Где ты?

Ответа не было.

За корнями оказалась пустота, маленькая пещерка в земле. Роман осветил её телефоном. Листья, белые корешки, скорлупа ореха. Ни человека, ни следов.

Он поднялся на склон и вдруг увидел, что потерял палатку. Не саму вещь — направление. Если Максим вернётся, отец не сумеет встретить его там, где велел ждать.

Роман достал компас. Руки тряслись, стрелка дёргалась от того, что он не мог удержать корпус ровно. Пришлось сесть. Разложить карту на коленях. Вспомнить: от палатки он шёл вниз, вода была справа, потом три метки, провал между камнями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.